

Автор
К 9393

+

ПРОКУРАТУРА СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

На правах рукописи

Для служебного пользования

экз. № 000050

Курдадзе Михаил Захаревич

ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

12.00.09. — уголовный процесс;
судоустройство; прокурорский надзор, криминалистика

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

9671 *г.м.г.*

МОСКВА — 1988

ВХОДЯЩИЙ
№ 154-207
26-11-88

Вх. 263-88

Хр
Работа выполнена на юридическом факультете Тбилисского государственного университета

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор А. Д. Бойков

доктор юридических наук, профессор А. А. Чувилев

доктор юридических наук, профессор С. А. Шейфер

Ведущая организация — Институт повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР

Защита состоится «19» декабря 1988 г. в 14 часов на заседании специализированного совета Д 147.01.02 при Всесоюзном научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка (123022, Москва, 2-я Звенигородская ул., д. 15).

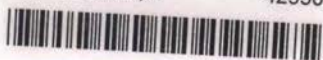
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка.

Автореферат разослан «10» ноября 1988 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат юридических наук

Л. Н. Викторова

9671а

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Необходимым условием совершенствования советской демократии и социалистических общественных отношений на современном этапе является «укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел»¹.

В борьбе за очищение нашего общества от чуждых ему явлений важная роль принадлежит правоохранительным органам. В политическом докладе на XXVII съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев указывал: «Неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, чтобы люди в любом населенном пункте чувствовали заботу государства об их покое и неприкосновенности, были уверены, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания»².

То обстоятельство, что вопросы укрепления дисциплины и законности оказались в центре общественно-политической жизни страны, потребовало серьезной перестройки всей работы правоохранительных органов.

Одним из направлений перестройки является судебно-правовая реформа, призванная создать благоприятные условия для повышения роли правосудия, эффективной работы прокуратуры, следственного аппарата, милиции и других звеньев правоохранительной системы.

Как показывает опыт работы по борьбе с преступностью в современных условиях, возник ряд проблем правоохранительной деятельности, требующих углубленного теоре-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. — М.: Политиздат, 1986, с. 131.

² Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986, с. 52.

тического исследования, и среди них проблемы, связанные с деятельностью следственного аппарата страны, с обеспечением эффективности и высокого качества предварительного следствия.

Результаты многочисленных анализов и обобщений следственной практики, изучения причин, ошибок и нарушений закона показывают, что недоброкачественность расследования преступлений непосредственно сопряжена с неполнотой выявления существенных обстоятельств дела, односторонностью проводимого расследования, субъективностью оценки доказательств, недостаточной доказанностью события преступления и виновности привлеченных к ответственности лиц и другими дефектами процесса доказывания при расследовании преступлений.

Подобные весьма распространенные недостатки предварительного следствия в той или иной степени связаны с неполным еще научно-методическим обеспечением следственной практики в части верного определения пределов доказывания в процессе расследования.

Этот пробел носит не просто локальный характер, он неизбежно дает о себе знать в различных разделах уголовно-процессуальной теории и при решении других вопросов следственной и судебной практики. Объясняется это важным значением и ролью в них проблемы пределов доказывания.

Объект исследования. За время, прошедшее после принятия ныне действующего уголовно-процессуального законодательства, в работах советских ученых-процессуалистов В. Д. Арсеньева, А. Д. Бойкова, Л. М. Карнеевой, А. М. Ларина, Г. М. Миньковского, И. П. Петрухина, А. Р. Ратинова, М. С. Строговича, А. А. Эйсмана, С. А. Шейфера, А. А. Чувилева, Н. А. Якубович и ряда других, занимающихся исследованием вопросов доказательственного права, в той или иной степени затрагивались отдельные аспекты проблемы пределов доказывания на предварительном следствии.

Однако, как это подтвердило предпринятое нами исследование, эти вопросы еще не получили обобщающей научной разработки ни в уголовно-процессуальной науке, ни в криминалистике. Они до настоящего времени не являлись предметом специального исследования, отвечающего современным требованиям следственной и судебной практики, хотя неотложная потребность в таком исследовании обусловлена прежде всего необходимостью следователям постоян-

но, по каждому делу решать вопросы о доказанности и достаточности доказательств. Настоящая диссертационная работа — первый опыт комплексного, углубленного изучения проблемы пределов доказывания, основанный на результатах многолетней теоретической и практической разработки рассматриваемых вопросов.

Целью диссертационного исследования является дальнейшее развитие советской уголовно-процессуальной науки путем разработки одной из ключевых проблем теории судебных доказательств — проблемы пределов доказывания, определения исходных теоретических положений и методологических принципов, обеспечивающих ее адекватное разрешение и формулирование на этой основе системы понятий, раскрывающих природу, содержание, основные характеристики и способы достижения пределов доказывания по уголовным делам в процессе доказывания.

Указанной цели соответствуют задачи проведенного исследования, к числу которых относятся:

а) анализ и обобщение теоретических накоплений уголовно-процессуальной науки и развитие той ее части, которая имеет отношение к рассматриваемой проблеме;

б) анализ союзного и республиканского законодательства в части регламентации пределов доказывания с точки зрения полноты, однозначности, непротиворечивости правового регулирования и законодательной техники;

в) изучение и обобщение следственной и судебной практики и руководящих судебных решений, относящихся к пределам доказывания по уголовным делам и, в частности, ошибок и нарушений, связанных с недостижением этих пределов, и их влияния на эффективность правосудия;

г) обоснование на этой основе кардинального значения пределов доказывания как частно научной категории теории доказательств, как одного из основных институтов уголовно-процессуального права и как важнейшего аспекта практической деятельности лиц, осуществляющих процесс доказывания;

д) уточнение и формулирование основных понятий, раскрывающих содержание пределов доказывания и определяющих критерии достижения надлежащих пределов доказывания на предварительном следствии, а также разработка наиболее принципиальных рекомендаций по этим вопросам, адресованных практическим работникам следствия.

Методология исследования. Обоснованность результатов и выводов. Методологической основой и теоретическим фундаментом исследования явились труды классиков марксизма-ленинизма, новая редакция Программы КПСС, материалы партийных съездов, наиболее существенными из которых явились решения XXVII съезда КПСС и последующих пленумов ЦК КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции и других партийно-государственных решений по вопросам судебной-правовой реформы, укрепления социалистической законности и правопорядка.

В процессе исследования автор опирался на положения Конституции СССР и Конституций союзных республик, на советское законодательство, регулирующее деятельность правоохранительных органов, и иной нормативный материал, а также на уголовно-процессуальное законодательство ряда социалистических стран.

Автором использована обширная литература по философии, в особенности по теории познания, социологии, психологии, науковедению, информатике и теории систем, а также источники по теории права, многочисленные публикации и диссертационные исследования по уголовному процессу и криминалистике.

В качестве ведущего метода исследования использован системно-структурный подход как конкретизация диалектико-материалистической методологии. Данный подход реализован в системном анализе проблем в контексте обобщений взаимосвязей и взаимозависимости пределов доказывания с иными институтами процессуального права и научными категориями теории судебных доказательств. Это позволило по-новому подойти к пониманию ряда традиционных положений предмета исследования.

Особое внимание уделено изучению реального состояния проблемы в следственной практике. С этой целью проанализированы и использованы обобщения и публикации о результатах эмпирического изучения эффективности правосудия и предварительного следствия, причин следственных ошибок и нарушений, выявленных в предыдущие годы другими авторами. С целью сопоставления с этими данными и для оценки существующего ныне положения дел диссертантом проведено и самостоятельное эмпирическое исследование в двух направлениях.

Первое было направлено на получение данных о том,

каким образом фактически достигались пределы доказывания на предварительном следствии в практике следователей Грузинской ССР. С этой целью было предпринято изучение прошедших через суд уголовных дел, как хорошо расследованных, так и возвращавшихся на доследование. Второе направление заключалось в выявлении уровня осведомленности и мнений следователей Грузии по широкому кругу вопросов, связанных с процессом доказывания и, в частности, с достижением пределов доказывания отдельных обстоятельств дела и их совокупности.

Всего было изучено 250 уголовных дел разных категорий преступлений, которые расследованы в период 1982-1985 годов, в том числе 50 дел, возвращавшихся на доследование.

Второе направление исследования — выявление мнений практических работников (следователей, прокуроров) — осуществлялось путем опроса (анкетирования, интервьюирования).

Анкетирование и интервьюирование проводились по единому вопроснику, целью которого было выяснение: сведений, касающихся профессиональной подготовки и опыта опрашиваемых; их представлений о сущности доказательства и процесса доказывания; мнения о причинах ошибок и недочетов, допускаемых при доказывании на предварительном следствии; суждений о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации процесса доказывания.

Всего было опрошено 75 прокурорско-следственных работников. Теоретическая и эмпирическая база исследования позволяет считать полученные результаты достаточно надежными и обоснованными.

Научная новизна исследования состоит:

1. В особом методологическом подходе к исследованию недостаточно разработанной проблемы пределов доказывания. Этот подход, в отличие от метода рассмотрения данной проблемы в процессуальной литературе, заключается в системном исследовании пределов доказывания как одного из институтов уголовно-процессуального права, как частно научной категории теории судебных доказательств и как важнейшего аспекта практической деятельности следователя.

2. В развитии части уголовно-процессуальной теории, касающейся проблем пределов доказывания, которые в диссертации получили более адекватное определение и освеще-

ние в контексте и во взаимосвязи с другими процессуально-правовыми институтами и, прежде всего, в зависимости от более широкого и уточненного понимания природы судебного доказательства и процесса доказывания.

3. В обосновании и раскрытии особой познавательной функции пределов доказывания в качестве научной категории уголовно-процессуальной теории, в преодолении ее недооценки и аккумуляции достижений науки и практики, необходимых для достижения целей процессуального доказывания и методического обеспечения успешной деятельности следователя.

4. В существенных дополнениях и уточнениях, вносимых диссертантом в трактовку ряда теоретико-процессуальных понятий, от которых зависит правильное решение вопросов, связанных с достижением пределов доказывания на предварительном следствии, и в формулировании соответствующего положения по совершенствованию законодательства.

5. В разработке и сформулировании на основе проведенного исследования как общих требований, предъявляемых к пределам доказывания, так и специальных критериев оценки степени достижения этих пределов и признания доказанности всех существенных обстоятельств дела, что должно ориентировать следственную практику на достоверное установление истины, способствовать предупреждению и устранению ошибок в процессе расследования.

На основе проведенного исследования автором выносятся на защиту следующие основные положения:

1. Реализация принципа установления истины по делу обеспечивается посредством достижения надлежащих (достаточных и необходимых) пределов доказывания, являющихся, во-первых, самостоятельным процессуальным институтом доказательственного права, во-вторых, одной из ведущих научных категорий теории судебных доказательств и, в-третьих, важнейшим аспектом практической деятельности следователя в процессе доказывания.

2. Анализ уголовно-процессуального законодательства доказывает внутреннюю органическую связь правовых норм, регламентирующих процесс доказывания, их принадлежность к более укрупненным блокам, ассоциациям, образующим процессуальные институты.

В силу функциональных внутренних взаимосвязей всех процессуальных институтов, относящихся к процессуальному

доказыванию, ни один из них не существует сам по себе, изолированно от других. Процессуальные институты во взаимодействии образуют систему доказательственного права, являясь его подструктурами. Отсюда следует, что сущность, назначение и роль каждого института раскрывается в соотношении с другими процессуальными институтами, через их взаимодействие и взаимные опосредования. В изложенном состоит особенность нашего подхода к исследованию проблемы пределов доказывания как процессуального института доказательственного права.

3. Разнообразные понятия и научные положения играют несопадающую роль в системе научного знания. Одни из них являются рядовыми теоретическими обобщениями, другие же носят не только более обобщенный, но и более определяющий по отношению к первым основополагающий и фундаментальный характер. Первые являются научными понятиями, вторые — научными категориями.

В качестве научной категории пределы доказывания определяются через соотношение с другими категориями науки уголовного процесса и, в первую очередь, на основе такой центральной и исходной научной категории, как судебное доказательство. При этом в труде развивается и обосновывается нетрадиционное представление о природе судебного доказательства: не как двухчленной, а как трехкомпонентной структуре, содержанием которой являются: объективные факты, сведения о них и процессуально-документированный источник этих сведений.

4. Выдвигая тезис о трехкомпонентном строении судебного доказательства (факт, сведения о нем и его процессуальный источник), мы полагаем, что доказательством является как элементарный акт процесса доказывания, так и совокупный факт, установленный на основе этих элементарных актов доказывания, и выводные суждения, полученные в результате умозаключения на основе ранее установленных частных факторов.

Автором обосновывается положение о системном характере совокупности доказательств по делу, несводимых к простой сумме или совокупности. Пределы доказывания определяют степень их структурной организованности и способности адекватно и достаточно полно отражать расследуемое событие по всем юридически значимым параметрам.

5. Понятие цели относится к характеристике предмета

доказывания, а понятие средства характеризует пределы доказывания, при этом одно и то же фактическое обстоятельство, в зависимости от момента процесса доказывания и аспекта его рассмотрения, может быть отнесено и к предмету, и к пределам доказывания.

6. В процессе доказывания происходит отыскание, соби- рание, проверка, оценка и использование доказательств. Этот процесс осуществляется посредством доказательств, и тем самым доказательства одновременно служат и целью, и сред- ством, и продуктом процесса доказывания. В качестве ко- нечного продукта доказывания образуется система доказа- тельств, устанавливающая в полном объеме все элементы предмета доказывания.

7. Процесс доказывания до момента окончания рассле- дования носит непрерывный динамический характер. В этом движении можно выделить постоянно повторяющиеся каж- дый раз на новом, более высоком витке следующие циклы, характеризующие процесс доказывания с точки зрения его пределов. Во-первых, наличные пределы доказанности от- дельных обстоятельств. Во-вторых, желательные, планируе- мые пределы дальнейшего их доказывания. В-третьих, ре- ально достигнутые пределы доказанности. На заключитель- ной стадии процесса доказывания система доказательств дол- жна быть стабильной, полностью завершённой.

8. Пределы доказывания характеризуют структуру систе- мы доказательств в неразрывном единстве с ее функциями. Внешняя функция этой системы — ее роль по отношению к предмету доказывания (достоверное установление всех су- щественных обстоятельств дела). Внутренняя функция сос- тоит в организации, упорядочении, взаимообслуживании, со- подчинении отдельных элементов, которые входят в блоки различных доказательств (доказательственных фактов). Нормальное выполнение внутренних функций обуславливает возможность выполнения внешних функций. Дисфункция внутри системы означает, что система не выполняет или вы- полняет неудовлетворительно свои функции в целом, и при этом либо должна быть изменена, перестроена и дополнена структура, в соответствии с потребностями системы, либо имеющиеся доказательства превращаются в сумму разроз- ненных элементарных доказательств, что нередко наблюда- ется на практике.

9. Учитывая значимость пределов доказывания для решения вопросов о реализации целей уголовного судопроизводства и задач расследования, считаем необходимым на первый план как в практической деятельности, так и в ее научном обеспечении выдвинуть проблему критериев достижения пределов доказывания.

К отдельным актам процесса доказывания и его результатам на том или ином этапе расследования, применительно к различным процессуальным решениям, предъявляются требования относимости, допустимости и достаточности доказательств.

На завершающей стадии доказывания по окончании расследования пределы должны также отвечать требованиям полноты, объективности и всесторонности, что обеспечивает достоверность и истинность окончательного решения по делу. Перечисленные требования служат лишь наиболее общими критериями пределов доказывания.

В диссертационном труде, наряду с общими требованиями, операционализована и обоснована система рабочих критериев для оценки достижения пределов доказывания, к числу которых относятся: непротиворечивость, совместимость, взаимосоответствие, взаимодополняемость и взаимоподкрепляемость, взаимоконтролируемость и взаимопроверяемость, неопровержимость, устойчивость, непоколебимость доказательств. Удовлетворяя этим общим и частным требованиям, система доказательств как конечный итог расследования достигает необходимых пределов доказывания.

10. Пределы доказывания — это сущностная характеристика процесса доказывания и его результатов, в которой выражены качественно-количественные свойства системы доказательств, достаточных и необходимых для принятия решений на различных этапах расследования, а при его окончании обеспечивающих полное, всестороннее и объективное установление существенных обстоятельств дела и всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в целом, т. е. установление истины и обоснованное разрешение дела по существу.

Теоретическое значение исследования определяется тем, что в нем разработана проблема пределов доказывания в качестве научной категории теории судебных доказательств, определены содержание и познавательная функция этой категории, отражающей один из самостоятельных уголовно-процессуальных институтов, раскрыто содержание, опреде-

лены место и функции этого института, его значение для решения задач советского правосудия.

Определение места пределов доказывания в категориальном строе науки уголовного процесса, взаимосвязи с иными научными категориями внесло ряд существенных дополнений и уточнений в понятийный аппарат теории судебных доказательств, углубило такие кардинальные положения этой теории, как природа судебного доказательства, процесс доказывания, система доказательств, критерии ее оценки с точки зрения пределов доказывания. Таким образом, решенная в труде проблема пределов доказывания, восполняя определенную недоработку уголовно-процессуальной науки, служит развитию советской теории судебных доказательств.

Практическая ценность исследования обусловлена актуальностью проблемы и острой потребностью следственной практики в надлежащем научно-методическом обеспечении деятельности следователей соответствующими рекомендациями по достижению пределов доказывания.

В свете этого разработанные автором принципиальные положения непосредственно обращены к практике, ориентируют следственных работников на достоверное выявление всех существенных обстоятельств и установление истины по делу, обеспечивая раскрытие преступления и справедливое наказание виновных с тем, чтобы ни один человек не был неосновательно привлечен к ответственности и необоснованно предан суду.

Тем самым диссертационное исследование нацелено на повышение эффективности деятельности органов предварительного следствия в соответствии с современными требованиями законности, справедливости, охраны интересов общества и прав советских граждан в уголовном судопроизводстве.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические концепции проведенного исследования изложены в монографии «Пределы доказывания на предварительном следствии» (Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986), а также в ряде других публикаций.

Принципиальные положения диссертации докладывались автором на заседании Ученого совета Тбилисского государственного университета, где получили поддержку и одобрение.

Ряд положений диссертации излагался автором в выступлениях на научно-практических конференциях, посвященных вопросам повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью в свете решений XXVI и XXVII съездов КПСС.

Результаты диссертационного исследования в настоящее время реализуются в ходе учебного процесса в Тбилиском государственном университете, где автор читает лекции и ведет семинарские занятия на юридическом факультете по курсу «Советский уголовный процесс».

Кроме того, автор, на протяжении многих лет занимая ряд ответственных должностей в прокуратуре Грузинской ССР, внедрил основные результаты проведенного им исследования в повседневную практику работы прокуроров и следователей указанной прокуратуры, а также следственных работников органов внутренних дел.

Объем и структура работы. Диссертационная работа содержит 408 страниц машинописного текста (исключая библиографию). Структура диссертации обусловлена ее целью, задачами и логикой исследования. Она состоит из введения, пяти глав, объединяющих двенадцать параграфов, и заключения. Библиография включает 170 наименований использованных и цитируемых работ.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит общую характеристику диссертации: обоснование актуальности и новизны избранной темы, определение предмета и задач исследования, описание методологии исследования и обоснованности полученных результатов, краткую формулировку положений, выносимых на защиту. В нем обосновано теоретическое и практическое значение диссертационного исследования, способы апробации его результатов.

Первая глава — «Проблемы истины в теории и практике предварительного расследования» — состоит из двух параграфов, посвященных установлению истины в качестве принципа уголовного процесса и основной цели процессуальной деятельности следователя, а также практике достижения пределов доказывания на предварительном следствии.

Многогранность и сложность задач советского уголовно-

го судопроизводства реализуется по каждому делу в результате ряда последовательно сменяющих друг друга стадий, каждая из которых имеет свои собственные, непосредственные задачи, обладает определенной спецификой, имеет особый порядок деятельности лиц, участвующих в деле. С ссылками на литературу дана краткая характеристика исходных стадий — возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования. При этом подчеркивается, что проведение следственных действий и организационных мероприятий по отысканию, проверке, закреплению и оценке доказательств должно быть направлено на полное, всестороннее и объективное установление всех существенных обстоятельств дела, на основе чего следователем принимаются соответствующие процессуальные решения.

Таким образом, в работе в понимание сущности предварительного следствия включается важнейший и обязательный, по мнению автора, признак — **установление истины по делу.**

В главе показано, что философско-методологической основой деятельности следователя по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений является марксистское учение о познаваемости мира, о возможности познания объективной действительности, конкретным проявлением которой являются событие преступления и виновность определенных лиц. По любому расследуемому делу в принципе возможно достоверное установление всех его фактических обстоятельств в пределах, необходимых для правильного, справедливого решения дела по существу.

По мнению автора, излишней является дискуссия по поводу характера познаваемой следователем истины, ибо в философском аспекте истина одна и та же истина может быть и абсолютной и относительной.

Установление истины — есть принцип уголовного процесса и, по мнению диссертанта, это положение заслуживает соответствующего законодательного оформления.

Представляются бесплодными терминологические споры о том, как именовать истину, устанавливаемую в уголовном процессе, — объективной или материальной.

В марксистской теории этот вопрос решен на основе того положения, что истина в любой сфере человеческой практики есть адекватное отражение действительности. Всякая же попытка с помощью того или иного прилагательного при-

дать понятию истины какое-то особое значение, на взгляд диссертанта, лишена смысла, а возможно, чревата и серьезными ошибками, т. к. допускает мысль о том, что в уголовном процессе можно удовлетвориться истиной «низшего сорта».

При решении основных вопросов диссертационной темы автор счел необходимым определить ряд исходных теоретических понятий, неоднозначно трактуемых в научной литературе. К их числу относится вопрос о соотношении истинности и достоверности в уголовном процессе и связанный с ними вопрос о соотношении доказывания и познания.

Поскольку доказывание в уголовном судопроизводстве подчас отождествляется с процессом познания истины по уголовному делу, диссертант полагает, что доказывание в уголовном процессе не исчерпывается познавательной деятельностью, а, как уже признано многими авторами, имеет две взаимосвязанные стороны: познавательную и удостоверительную.

Познавательная сторона, как доказывает автор, не сводится к восприятию следов преступления лицом, производящим расследование по делу, равно как удостоверительная не сводится к их документальной фиксации. В самом акте документирования реализуется процесс познания, так же, как при обнаружении и восприятии следов происходит удостоверение их наличия и в сознании познающего субъекта, и в соответствующем документальном отражении. Тем самым познание и удостоверение суть неразрывно связанные, хотя и различные аспекты целостного процесса доказывания. На этих принципиальных положениях, считает автор, должен базироваться ответ на вопрос, который решается следовательно по каждому делу, находящемуся в его производстве: достоверно ли установлены все необходимые обстоятельства дела, доказаны ли они, достигнуты ли при этом пределы доказывания. Следовательно, вопрос о пределах доказывания оказывается одним из ключевых вопросов практической деятельности следователя, требующего самого обстоятельного осмысления со стороны уголовно-процессуальной теории. В главе делается вывод, что эту насущную потребность практики теория судебных доказательств в своем современном состоянии удовлетворяет далеко не полностью.

В главе самостоятельный раздел посвящен анализу практики достижения пределов доказывания на предварительном следствии. Это вызвано тем, что многочисленные

обобщения и исследования, осуществлявшиеся в научных целях, каждый раз констатировали наличие повторяющихся из года в год ошибок и нарушений требований закона при производстве расследования. Об этом свидетельствуют и руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР и решения Верховных судов союзных республик, кассационная и надзорная практика по конкретным делам и повседневная практика прокурорского надзора за законностью предварительного следствия и дознания.

Автор, наряду с собственным изучением уголовных дел и выявлением мнений следователей и прокуроров, использовал результаты наиболее фундаментальных работ, представляющих особый интерес как по масштабам исследований и репрезентативности полученных данных, так и по научному уровню их анализа и интерпретации. Речь идет о следующих трудах: Бердичевский Ф. Ю., Кочаров Г. И., Степичев С. С. «Почему некоторые дела об убийствах возвращаются на дополнительное расследование» (М., 1968), авторский колл. под рук. Шрага И. Л. «Причины возвращения судами дел о хищениях на дополнительное расследование» (М., 1975), авторский колл., отв. ред. Кудряевцев В. Н. «Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок» (ч. 1, 2, М., 1975).

Изучение показало, что почти по каждому делу, возвращенному на доследование, имели место ошибки в оценке доказательств. Причем ошибочные оценки иногда относились к полноте круга обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, но чаще всего к выводу о доказанности каждого из этих обстоятельств, тогда как совокупность имеющихся доказательств и доброкачественность отдельных из них не соответствовали требованиям уголовно-процессуального законодательства. А это, в свою очередь, нередко влекло за собой неправильное применение уголовного закона, а также появление в суде новых доказательств и изменение имеющихся.

В диссертации показано, что анализ неполноты исследования обстоятельств уголовного дела подчас приводит к слиянию, а тем самым и смешению двух различных аспектов: невыяснению существенных обстоятельств предмета доказывания и, что на практике преобладает, недостаточная доказанность некоторых из них, т. е. недостижение необходимых пределов доказывания при установлении обстоятельств дела.

Недостаточность доказательств по одному из элементов предмета доказывания неоднократно влечет за собой недоказанность других обстоятельств, подлежащих выяснению по делу, и наоборот, доскональное выявление и достоверное установление одного из обстоятельств предмета доказывания одновременно способствует полноте доказывания других фактических обстоятельств.

Приведенный автором анализ следственной практики по изученным делам подтверждает мысль о том, что недостижение пределов доказывания является доминирующей причиной неэффективности и низкого качества следственной работы. Так, основанием возвращения на доследование дел в 85% случаев изученной диссертантом выборки явилась неполнота расследования, выражаемая в недостаточности доказательств, устанавливающих существенные обстоятельства дела.

Более того, в 92,6% дел, возвращенных на доследование, имели место ошибки в оценке доказательств.

Но тут же указывается, что хотя сама по себе констатация факта недостижения пределов доказывания важна, но еще недостаточна для разработки предложений и рекомендаций по совершенствованию в этой части следственной практики. Необходимо выяснить причины, в силу которых допускаются ошибки в определении пределов доказывания. Автор приходит к выводу, что эти причины в основном связаны с неверными представлениями следователей по вопросам, относящимся к природе доказательств и процессу доказывания. В работе указываются основные из них. Здесь обнаруживается тенденция неравномерного внимания к доказыванию различных элементов предмета доказывания. Это находит свое выражение в том, что по делам об убийствах, изнасилованиях, взяточничестве такие обстоятельства, как время, место, способ совершения преступления устанавливаются в более полном объеме, чем обстоятельства, относящиеся к личности обвиняемого, мотиву виновности, а тем более к причинам и условиям, способствующим совершению преступления.

Сказанное проиллюстрировано данными таблицы.

Недостижение пределов доказывания по делам, возвращенным на доследование

(в %) ¹

Категория преступлений	Недоказанность основных обстоятельств дела (предмет доказывания) в % от общего числа изученных дел						
	Время	Место	Способ	Мотив	Цель	Данные о личности обвиняемого	Винность обвиняе- мого
1	2	3	4	5	6	7	8
Убийство	8.6	5.7	12.3	41.3	18.1	23.1	14.2
Хищение соци- алистической собственности	16.2	10.1	30.4	11.2	10.1	8.3	30.2
Изнасилование	5.7	2.3	13.1	2.6	—	17.5	40.6
Хулиганство	4.1	2.1	20.3	37.4	38.4	30.2	18.1
Кража личного имущества	6.7	3.7	10.3	21.4	18.3	24.6	37.8
Тяжкие телесные повреждения	7.7	5.1	4.3	30.3	20.1	18.2	16.5

Автор показывает, что причины недостижения пределов доказывания по изученным делам заключались в непроведении необходимых следственных действий, либо в безуспешности тех, которые были проведены, но достаточных доказательств не дали.

Подавляющее большинство опрошенных автором следователей (свыше 85%) были едины во мнении, что есть основные обстоятельства по делу (время, место, способ) и есть второстепенные (мотив, обстоятельства, характеризующие обвиняемого, характер и размер ущерба).

При сопоставлении результатов работы следователей по делам различных категорий диссертантом было выяснено,

¹ Превышение 100% при исчислении удельных весов недоказанности тех или иных элементов предмета доказывания объясняется тем, что по одному и тому же делу зачастую оставалось недоказанным несколько элементов, обозначенных в таблице.

что для каждой из них есть «свои» наборы доказательств. Основные доказательства собираются в результате производства допросов (73%). Непосредственно на результаты других следственных действий (осмотров, обысков, следственных экспериментов и пр.) в обвинительных заключениях ссылаются редко.

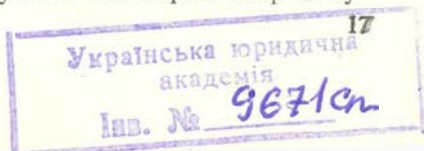
При доказывании и определении его пределов следователи, как указывает автор, ограничиваются аргументацией, содержащейся непосредственно в конкретных источниках доказательств (показания, заключение экспертизы, протокол, документ), редко используя в качестве аргументов доказательственные факты и их сопоставление. Только в 8% изученных дел ему удалось обнаружить стремление следователей сопоставить между собой результаты допросов и лишь в 6% дел — результаты иных следственных действий.

Собственно доказывание, т. е. собирание доказательств, логический контроль, отдача приоритета одним и отвержение других доказательств, выведение суждений и пр., согласно материалам диссертанта, имеет место по преимуществу в тех случаях, когда следователь усматривает в деле противоречия. Когда их нет, следователи, как правило, ограничиваются констатацией фактов.

Автор приходит к выводу, что устраняемые противоречия в основном (свыше чем в двух третей случаев) связаны с позицией обвиняемых, которые либо полностью, либо частично не признают свою вину. При этом следователи работают с доказательствами лишь в рамках возражений, заявленных обвиняемыми. Он обнаруживает тенденцию намеренного сглаживания, а не устранения противоречий. Чрезвычайно пеструю картину составляют мнения разных следователей о сущности доказательства и процесса доказывания.

Автор в своих исследованиях использовал передовую следственную практику и, несмотря на выявленные недочеты в работе следователей с доказательствами, приходит к выводу, что следственная практика в целом обобщенно выражении на протяжении длительного времени постоянно накапливает ценнейший опыт и знания, использование которых дает возможность следователям в основном правильно решать вопрос о достижении пределов доказывания в каждом конкретном случае.

Во второй главе — «Пределы доказывания как уголовно-процессуальный институт и научная категория теории су-

дебных доказательств» — обосновывается одна из центральных идей диссертационного исследования: пределы доказывания являются правовым институтом уголовного процесса и одновременно научной категорией уголовно-процессуальной теории. При этом автор опирается на то положение, что в составе доказательственного права регулятивную функцию выполняют различные процессуально-правовые институты, охватывающие определенную совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых и однонаправленных правоотношений, предусмотренных комплексом соответствующих правовых норм. Процессуальные институты, содержательно объединяя отдельные правовые нормы — первичные ячейки правового регулирования, функционально обслуживают, дополняют и подкрепляют друг друга, что придает всему доказательственному праву целостный системный характер.

Институтами доказательственного права, по мнению автора, являются: судебное доказательство, способы собирания доказательств, предмет и пределы доказывания и ряд других. В качестве кардинальных положений доказательственного права выступают системные образования, несводимые к отдельным процессуальным нормам. Они имеют сквозное значение для всех стадий уголовного процесса и не могут быть адекватно поняты при изолированном рассмотрении отдельных норм.

В этом убеждает проделанный автором анализ института судебного доказательства, который, по его мнению, является системообразующим для доказательственного права в целом и определяющим для отдельных его институтов. Аналогичный анализ проведен диссертантом применительно к иным институтам уголовного процесса и с наибольшей обстоятельностью относительно пределов доказывания. Он показывает, что в силу функциональных внутренних взаимосвязей институтов ни один из них не существует сам по себе, изолированно от других. Все они во взаимодействии образуют систему доказательственного права, являясь ее подструктурами.

Отсюда сущность, назначение и роль каждого института рассматриваются не из самих себя и не только на основе образующих их правовых норм, а в соотношении с другими процессуальными институтами через их взаимодействие, взаимные опосредования, в контексте всего доказательственного права.

В этом состоит особенность предлагаемого подхода к исследованию проблемы пределов доказывания как процессуального института, в отличие от теоретических разработок этой проблемы другими авторами. Диссертант указывает, что признание пределов доказывания самостоятельным процессуальным институтом ведет к особому теоретическому переосмыслению этой правовой реальности и ряда связанных с ней теоретических положений и аспектов практической деятельности следователя.

Анализ теоретических накоплений в этой области позволил автору констатировать, что пределы доказывания до последнего времени определялись большей частью на основе комментированного рассмотрения немногочисленных законодательных формулировок не как особый правовой институт, а чаще всего независимо и вне связи с другими институтами доказательственного права.

Связи усматриваются только с предметом и способами доказывания. Однако из ткани доказательственного права названные законодательные положения в качестве институтов не выделялись (если не считать простого словоупотребления без анализа специальной регулятивной роли и базового значения каждого из них).

Этим объясняет диссертант существенную ограниченность разрабатываемых им проблем в теории судебных доказательств.

Между тем, он считает, что институционный характер пределов доказывания подтверждается прежде всего наличием в процессуальном законодательстве системы родственных правовых норм, объединенных единым смыслом, относящихся к одному блоку процессуальных правоотношений, сообща регулируемых этими нормами в заданном направлении. Ядром этого института является общее требование всесторонности, полноты и объективности установления всех существенных обстоятельств дела (ст. ст. 18 и 60 УПК ГССР).

Эта руководящая идея получает отражение в многочисленных нормах, регулирующих процесс доказывания, определяющих правовой статус, полномочия, права и обязанности участников процесса, цели и содержание следственных и судебных действий, характер и основания принимаемых по делу решений, мотивы их отмены и пересмотра. Тем самым вопросы о пределах доказывания являются сквозными и для

всех стадий уголовного процесса, и всех субъектов, осуществляющих производство по делу.

Проведенный в диссертации анализ позволяет констатировать, что уголовно-процессуальное законодательство, уделяя значительное внимание процедуре доказывания, вместе с тем имплицитно констатирует институт пределов доказывания за счет корреспондирующих, взаимообслуживающих правовых предписаний, запрещений и установлений.

В этой связи автор считает, что законодательная разработанность данного института далека от полноты и завершенности, и насущные вопросы о доказанности и недоказанности требуют более обстоятельной расшифровки. Нуждается в более четком нормативном оформлении институт пределов доказывания, требуют раскрытия внутрисистемные связи этого института в доказательственном праве.

Как показало исследование, сложившееся положение с законодательной регламентацией института пределов доказывания не удалось выправить за счет доктринальных толкований закона и руководящих разъяснений компетентных судебных органов. Многочисленные, составленные различными авторами и коллективами комментарии к уголовно-процессуальным кодексам также не дают удовлетворительных ответов на эти актуальнейшие для практики вопросы, что подтверждает автор анализом соответствующих источников.

В связи с этим диссертант вносит ряд предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, которые приводятся в заключении диссертации. Недостаточная четкость законодательной рекомендации пределов доказывания усугубляется и недостаточной теоретической разработкой данной проблемы. Отметив это положение, автор в главе переходит к анализу другого аспекта предмета диссертационного исследования — рассмотрению пределов доказывания в качестве научной категории теории судебных доказательств. В этой связи автор подчеркивает недопустимость смешения правовых институтов и теоретико-правовых категорий, научных понятий и фундаментальных теоретических положений, имеющих категориальное значение, выполняющих особую познавательную роль. Показав выше, что каждая отрасль права конструируется из правовых институтов, установлений и норм, диссертант здесь отмечает, что категория — это атрибут научного мышления,

инструмент и результат познания, принадлежащий только теории, а не правовой реальности.

Он указывает, что до последнего времени уголовно-процессуальная наука и, в частности, теория судебных доказательств, имея предметом своего изучения уголовно-процессуальное право и реальности уголовного судопроизводства, оперировали множеством различных понятий, относящихся к возникновению, развитию, функционированию, воздействию процессуальных норм и установлений.

При этом от внимания исследователей ускользал тот факт, что многочисленные понятия и научные положения играют разную по значению роль в системе научного знания. Одни из них являются рядовыми теоретическими обобщениями, другие же носят не только более масштабный, но и более определяющий по отношению к первым, основополагающий и фундаментальный характер. Исходя из этого, первые являются научными понятиями, вторые — научными категориями.

Сказанное автор в полной мере относит к такой области правоведения, как уголовно-процессуальная наука. В ее составе получил продуктивное развитие и весьма глубокое освещение ряд самостоятельных теорий, к числу которых относится теория судебных доказательств, а в составе последней — ряд фундаментальных разделов, имеющих категориальное значение. Именно такими, по мнению автора, частнонаучными категориями являются: доказательство, процесс доказывания, способы доказывания, пределы доказывания.

В диссертации прослеживается история формирования и развития научной категории пределов доказывания в зарубежной и отечественной уголовно-процессуальной теории, показан вклад в решение этой проблемы ведущих советских ученых, критически осмысливаются выдвинутые многими авторами положения, относящиеся к рассматриваемым вопросам.

В связи с этим автор отмечает, что если в теории уголовного процесса еще не сформулировано достаточно конкретных положений, опираясь на которые лицо, производящее расследование, способно судить о достижении (или недостижении) пределов доказывания, то можно было бы ожидать, что разработка таких ориентиров осуществлена в рамках других наук, обслуживающих деятельность следователя. Для полного представления о состоянии проблемы предлага-

ется учесть все достижения, независимо от того, в русле какой науки они получены. Особое внимание в этом плане уделяется криминалистической теории.

В главе отмечается, что в подавляющем большинстве публикаций, посвященных расследованию, основное внимание сосредотачивается на анализе работы следователя по планированию, проведению отдельных следственных действий, выдвижению и проверке версий и особенностей работы по делам различной категории, и лишь совсем немного, и то в самых общих выражениях, говорится о чрезвычайно важном для следователя вопросе: каким образом обеспечивается надлежащее завершение расследования и обоснованное принятие решений по делу.

В связи с этим автор делает вывод, что криминалистическая теория «сопровождает» деятельность следователя не до окончания производства по делу, а лишь до весьма неопределенного момента расследования, когда уже решен вопрос о возбуждении уголовного дела, проведены неотложные и последующие действия, выдвинуты и проверены обоснованные версии, проведены экспертизы, проанализированы документы и т. д., но вся работа по делу не закончена, не выяснено, достаточно ли собрано доказательств для достоверного установления всех преступных эпизодов, для изобличения лиц, совершивших преступления, исследования данных, характеризующих каждого из них и пр.

В силу этого следователи вынуждены признавать «следствие законченным, а собранные доказательства достаточными» (ст. ст. 201, 202 УПК ГССР), основываясь не на четких предписаниях закона и не на положениях наук уголовного процесса и криминалистики, главным образом на здравом смысле, профессиональном опыте, что чревато серьезными ошибками.

В третьей главе — «Пределы доказывания в системе уголовно-процессуальных категорий» — реализуется подход автора, основанный на системном анализе категориального строя теории судебных доказательств и анализе ее системообразующей категории судебного доказательства.

Он показывает, что пределы доказывания образуют одну из кардинальных характеристик процесса доказывания, которая функционально и генетически связана с другой базовой категорией уголовно-процессуальной теории — понятием судебного доказательства.

Посвящая доказательствам специальную главу, Основы уголовного судопроизводства СССР и соответственно уголовно-процессуальные кодексы союзных республик дают самую сжатую, свернутую трактовку доказательства, опуская при этом многие посредствующие сведения, определяющие в совокупности процесс возникновения и природу доказательства. Более детальное рассмотрение этого процесса и содержания этого понятия позволяет автору выделить ряд моментов, существенно дополняющих краткую законодательную формулу.

Несомненной заслугой теории судебных доказательств последнего десятилетия он считает констатацию сложной структуры судебного доказательства. В главе отмечается, что опираясь на трактовку ст. 16 Основ уголовного судопроизводства, большинство ученых-процессуалистов сошлись во мнении, что доказательство представляет собой единство формы и содержания, при котором фактические данные служат содержанием доказательства, а процессуальные средства (показания, заключения, протоколы и пр.) — его формой. При этом утвердился взгляд на доказательство, как на сведения о фактах, полученных, зафиксированных и удостоверенных в установленном порядке и определенной законом форме.

Представление о двухкомпонентной структуре судебного доказательства, ставшее традиционным, на взгляд диссертанта, нуждается в дальнейшем развитии. Двуетьединство понятия доказательства скрывает за собой более сложную его природу. Автором выдвигается тезис о трехкомпонентном строении судебного доказательства, которое не замечается в результате недифференцированного семантического анализа законодательного определения, а главное, из-за известного гносеологического упрощения процесса возникновения судебного доказательства и связанного с этим процесса доказывания.

В подтверждение этой точки зрения в труде заостряется внимание на выражении «фактические данные», которое обычно рассматривалось в качестве единого, неделимого термина. Между тем оно, как доказывает автор, составлено из двух слов, имеющих чрезвычайно важное самостоятельное значение, требующее раздельного анализа и лишь после того — обобщенного толкования. Первое из этих слов — («фактические») означает: относящиеся к фактам. Применительно

к задаче исследования фактами являются отдельные обстоятельства расследуемого события, условия социальной и природной среды, намерения и действия участвующих в этом событии лиц, наступившие последствия и следы в материальной обстановке и сознании людей, посредством которых устанавливается искомый факт — событие преступления и виновные лица.

Второе слово рассматриваемого определения — «данные» ведет к понятию «данности» и неизбежно связывается с субъектом познания и деятельности, о котором повествует закон (органы дознания, следователь и суд). В этом смысле «данные» означают данность определенному субъекту, представленность ему в виде некоторого знания о чем-либо. Если выше имелось в виду объективное существование явления, то здесь подчеркивается субъективное его отражение, как познанного явления, посредством которого органы, осуществляющие производство по делу, устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Последним компонентом триединой природы доказательства автор называет отражение фактических данных в соответствующих формах, именуемых в теории источниками доказательств: показания потерпевшего, подозреваемого, заключение эксперта, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

Таким образом анализ законодательного текста позволяет диссертанту утверждать, что общее определение доказательств включает в себя в неразрывном единстве три элемента его структуры: факты, как явление действительности, сведения о них, полученные в определенном порядке и, наконец, заключенного в установленную форму носителя информации или источника.

Семантический анализ подтверждается и гносеологическим, т. е. преступное событие как факт, имевший место в прошлом, получает отражение в виде различных изменений в материальной обстановке и сознании людей. Эти следы-последствия, доказывает автор, суть первичные отражения, существуют объективно и являются первоисточником судебного доказательства, возникновение которого зависит от многих факторов и возможно только в результате целенаправ-

ленной деятельности лица, осуществляющего производство по делу.

Будучи выявлены и правильно поняты в качестве отражений исследуемого события, следы-последствия становятся данными, представленными познающему субъекту, превращаясь в знание о факте. Происходит вторичное отражение или «отражение отражаемого». Только применительно к этому моменту и можно говорить о «фактических данных».

Однако, как отмечено в главе, это еще не судебное доказательство. Оно возникает лишь при условии извлечения фактических данных из предусмотренных законом носителей знаний о фактах или сообщений, «закодированных» в материальной обстановке и «вещных» объектах.

При этом многочисленные сообщения, поступающие в той или иной форме, воспринимаются субъектом, подвергаются отбору в связи с исследуемым событием. Признанные относящимися к делу эти сообщения («фактические данные») ретранслируются субъектом доказывания и фиксируются в процессуальном акте в виде протокола соответствующего следственного действия. На этом этапе вновь происходит отражение фактических данных, которые служат заключительным моментом формирования судебного доказательства.

Проведенный в диссертации гносеологический анализ различных видов доказательств и процесса их возникновения подтверждает тезис о трехкомпонентной структуре судебного доказательства. Опираясь на это положение, автор переходит к рассмотрению другой важнейшей категории — процесса доказывания.

Он показывает, что, согласно утвердившемуся взгляду, целостный процесс доказывания имеет два аспекта, две неразрывно связанные между собой стороны. Первая связана с добыванием информации об обстоятельствах расследуемого события. В этом смысле доказывание носит познавательный характер. Вторая связана с документированием установленных обстоятельств в определенную законом форму. В этом смысле доказывание носит удостоверительный характер.

В диссертации отмечается, что продуктивная идея однако не в полной мере использована для решения ряда дискуссионных вопросов уголовно-процессуальной теории и прежде всего для углубленного представления о природе судебного доказательства. Автор полагает, что познавательная и

удостоверительная стороны процесса доказывания трансформируются в сущностной характеристике судебного доказательства, которое также имеет два аспекта: познавательный и удостоверительный. Первый выражен в знаниях о преступном событии, второй — в надлежащем источнике, фиксирующем эти знания. Естественно, что ни одна из сторон не может существовать раздельно, ибо тогда не существовало бы судебного доказательства.

Определяя природу и содержание процесса доказывания, что являлось необходимой предпосылкой для дальнейшего анализа пределов доказывания, диссертант выдвигает и обосновывает следующее определение доказательства:

Доказательством является как элементарный акт процесса доказывания в приведенном выше смысле триединства факта, сведений о нем и его процессуального источника, так и совокупный факт, установленный на основе этих элементарных актов доказывания, и выводное суждение, полученное в результате умозаключения на основе ранее установленных частных факторов.

Диссертант утверждает, что так называемые «доказательственные факты» или промежуточные по существу и по форме являются доказательствами, т. к. отвечают сформулированным выше требованиям триединства факта, сведений о нем и процессуальных источников этих сведений, и потому полностью соответствуют определению доказательств, которое дается законом в приведенном автором толковании. В диссертации показано, что различные виды доказательств, классификация которых принята уголовно-процессуальной теорией, также вполне соответствуют этому представлению (деление доказательств на личные и вещественные, прямые и косвенные, обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные).

Однако приведенное деление доказательств на виды основано на признании доказательством только элементарного простого доказательства, содержащегося в отдельном источнике, что автору представляется недостаточным и ограниченным.

Он считает, что системное строение доказательства как элементарного, так и сложного акта получает дальнейшую реализацию в системе всех доказательств по делу.

В более обобщенном виде система доказательств по делу может быть представлена в качестве структуры, в доста-

точной мере соответствующей (изоморфной) исследуемому, познаваемому, доказываемому событию преступления. Последнее, т. е. событие преступления в границах, определяемых предметом доказывания, является отражаемой, а совокупность доказательств служит отражающей системой.

В уголовно-процессуальной литературе обычно отмечается, что в процессе доказывания должна быть получена система доказательств, т. е. их совокупность, посредством которой устанавливаются существенные обстоятельства, составляющие предмет доказывания. В таком отождествлении терминов совокупности и системы выражается попытка примирить традиционно используемое в законодательстве понятие совокупности с возникшим в науке в последнее десятилетие понятием системы.

Отвлекаясь от чисто терминологического несовпадения этих понятий, диссертант отмечает неблагоприятные последствия такого отождествления на практике. Нередко следствие и суд при расследовании и разрешении конкретных уголовных дел удовлетворяются простой совокупностью доказательств, не предъявляя к ним требований системности. В результате при большом количестве отдельных доказательств по тем или иным обстоятельствам дела создается иллюзия достаточности доказательств для разрешения дела по существу. Между тем, устанавливая какие-либо обстоятельства предмета доказывания, сколь многочисленны ни были бы соответствующие доказательства, они вовсе не обязательно образуют систему, необходимую и достаточную для разрешения дела.

Как показывает автор, плодотворной попыткой рассмотрения системного строения доказательств явилось использование А. А. Хмыровым уровня принципа анализа процесса доказывания и строения системы доказательств. Однако поставленный им последовательный ряд доказательств, в котором исходные доказательства связаны с доказательственным фактом, а через него с предметом доказывания, выглядит несколько упрощенно. Такое строение именуется связью по вертикали.

Но при этом, отмечает диссертант, упускается из виду, что доказательственные факты чаще всего находятся на разных уровнях или этапах процесса доказывания. Из одних доказательственных фактов вытекают другие, и сами они

имеют многоступенчатую связь между собой и предметом доказывания.

Кроме того, не из каждого доказательственного факта непосредственно устанавливаются обстоятельства предмета доказывания. В большинстве случаев из одного или нескольких доказательственных фактов устанавливается ряд других, служащих фактической основой — «строительным материалом» — для последующих блоков в системе доказательств, самыми верхними этажами которых являются обстоятельства предмета доказывания.

Тем самым автор доказывает, что внутреннее иерархическое строение так называемого второго уровня системы доказательств (доказательственные факты) обусловлено служебной ролью одних доказательственных фактов по отношению к другим и их соотношением между собой в качестве средств и целей в процессе доказывания.

Таким образом, систему доказательств в вертикальном разрезе диссертант представляет в виде ветвящегося дерева, где связи между отдельными доказательствами имеют как бы линейный характер: из одних доказательств (фактов) следуют другие, из них вытекают третьи и т. д. Одновременно автор замечает, что идея уровневого строения системы доказательств и принцип его анализа правильны, но недостаточны, ибо, как каждая система, она не исчерпывается характеристикой уровней. Наряду с иерархией и субординацией элементов системы должны быть рассмотрены ее межкомпонентные связи, их взаимное обслуживание, взаимокompенсация и интеграция. Имеет место также несводимость внутрисистемной связи между доказательствами к линейной форме и «вертикальному строению».

По мнению диссертанта, связь доказательств по вертикали имеет место тогда, когда из одного доказательства (доказательственного факта) вытекает другой доказательственный факт, когда первым устанавливается второй.

Связь доказательств по горизонтали имеет место тогда, когда два или несколько доказательств, располагаясь как бы на одном уровне, независимо друг от друга устанавливают новый доказательственный факт.

Однако система доказательств не имеет чисто линейного характера и не может быть исчерпывающе представлена в виде ветвящегося дерева (такое представление было оправданным лишь на первом этапе анализа). Таким образом,

автор приходит к заключению, что система доказательств с точки зрения проблемы пределов доказывания имеет многомерный характер.

Рассматривая событие преступления в качестве системы, диссертант уделяет внимание взаимосвязям и взаимозависимостям ее отдельных составляющих, т. е. доказательств, относящихся к тому или иному обстоятельству. Наглядно эти связи и зависимости просматриваются в процессе расследования, когда выдвигаются, обосновываются, проверяются, отвергаются одни версии и находят свое подтверждение та единственная, которая оказывается истинной.

При этом автор отмечает, что следователь оценивает доказательства не изолированно, а в совокупности друг с другом, и нередко оказывается, что приняв, например, за установленный мотив, следователь может высказать обоснованные суждения по поводу лица, совершившего преступление, места, времени. Если же мотив меняется, то, соответственно, меняется предположение о лице, месте, времени. В свою очередь, способ совершения преступления предопределяет виновность, наличие или отсутствие соучастников, сговор между ними и т. д.

Четвертая глава — «Особенности пределов доказывания на предварительном следствии» — включает в себя рассмотрение вопросов, связанных с познавательными возможностями и ограничениями в процессе расследования, а также динамику пределов доказывания на предварительном следствии.

В главе обосновывается, что расследование в целом и его основное содержание — доказывание, т. е. отыскание, закрепление, проверка и оценка доказательств, их использование для выводов и решений, есть особый (частный) вид практической деятельности, всегда имеющей цель, для достижения которой используются определенные средства. Целью доказывания является установление истины по делу. Средства достижения цели есть средства практической правоприменительной деятельности (материальные объекты: вещественные доказательства, документы, предъявляемые для опознания, объекты и пр., а также действия следователя и иных лиц, принимавших участие в расследовании).

Понятие цели относится к характеристике предмета доказывания, а понятие средства характеризует пределы доказывания. При этом одно и то же фактическое обстоятельство

в зависимости от момента процесса доказывания и аспекта его рассмотрения может быть отнесено и к предмету, и к пределам доказывания. Искомый доказываемый факт, будучи в данный момент целью доказывания, входит в предмет доказывания, является его частью. Вместе с тем, то же самое фактическое обстоятельство, доказывающее определенное положение, играет роль средства доказывания и, таким образом, входит в состав пределов доказывания.

Автор показывает, что взаимосвязи и взаимопереходы цели и средства, предмета и пределов доказывания предопределяют то положение, что процесс доказывания носит многоступенчато-опосредованный характер, при котором отдельные обстоятельства предмета доказывания устанавливаются множеством различных фактических обстоятельств, каждое из которых, в свою очередь, доказывается серией иных фактов. Однако эти связи не являются однозначно линейными, когда из одной группы фактов вытекает строго определенная другая группа или какой-то один факт. Напротив, из одного факта или некоторой их совокупности может устанавливаться несколько различных обстоятельств, относящихся к предмету доказывания. При этом могут быть получены выводы не из одной, а из многих посылок, и не один, а ряд выводов по поводу различных обстоятельств дела.

Автор доказывает, что в силу универсального закона взаимосвязи и взаимообусловленности явлений любое преступное действие вызывает практически безграничное количество отражений как непосредственных, так и многократно опосредованных в реальной действительности. Процесс возникновения доказательств выступает, таким образом, как «необходимая связь, объективная связь всех сторон, тенденций в данной области явлений»¹.

В диссертации показано, что в процессе расследования, как правило, используются наиболее непосредственные отражения преступных действий, при этом за границей исследования остается большинство следов-последствий.

Действия следователя, которые в основном сводятся к достижению целей доказывания, осуществляются в определенных объективных условиях. Эти условия содержат в себе как некую совокупность возможностей, достижений целей,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 89.

так и определенные ограничения, т. е. факторы, не позволяющие решить задачу любыми способами.

В диссертации подробно раскрывается содержание ограничений и делается вывод о том, что ограничения в процессе доказывания есть реальность, которая вместе с тем не должна приводить к заключению о безысходности в раскрытии и расследовании даже самых сложных и запутанных преступлений. В связи с этим автор приводит ленинское положение о том, что нет непознаваемых явлений, на основе этого делает вывод, что нет и преступлений, по которым не могли бы быть собраны улики, изобличающие виновных. Передовая следственная практика постоянно показывает примеры исключительного профессионального мастерства, когда, казалось бы, совершенно «безнадежные» дела раскрывались и расследовались весьма успешно.

Останавливается автор и на том положении, что в эпоху научно-технической революции бурно развиваются обслуживающие деятельность следователя науки, дающие возможность преодолевать те ограничения, которые еще недавно считались непреодолимыми.

В диссертации подчеркивается мысль, что процесс доказывания до момента окончания расследования носит непрерывный динамический характер. В каждый данный момент этого процесса система доказательств только условно может рассматриваться как статическое образование из наличных, уже имеющихся доказательств. Однако при этом система доказывания является открытой, доступной наращиванию, развитию, обогащению. Относительно закрытой она становится лишь при завершении процесса доказывания по окончании расследования по делу. Сам познавательный процесс доказывания носит непрерывный циклический, точнее — спиралеобразный характер восхождения от незнания и неполного знания к достоверному знанию всех обстоятельств дела.

Автор указывает: среди процессуалистов преобладает мнение о том, что изменчивость присуща только пределам доказывания, а предмет доказывания является стабильным, изначально заданным характером исследуемого события, по поводу которого возбуждается дело. Диссертант возражает против такого суждения, ссылаясь на положение, сформулированное в монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» (М., 1973), гласящее: «правильное ус-

тановление предмета доказывания по конкретному делу — условие целенаправленной деятельности органов расследования». Диссертант считает, что о предмете доказывания можно говорить, по крайней мере, в двух аспектах: как о выраженной в законе на достаточно высоком уровне абстракции, перечне обстоятельств, подлежащих установлению по всем делам, и как о системе обстоятельств конкретно расследуемого дела. Взаимоотношение этих аспектов подчинено категориям диалектики — единичного и общего, когда общее (предмет доказывания, указанный в законе) не существует вне единичного (предмет доказывания конкретного дела), а единичное не существует вне общего.

Предмет доказывания во втором указанном значении (и только в нем) подвергается в процессе расследования изменениям: расширяется, сужается или меняет свою конфигурацию даже в пределах неизменной уголовно-правовой квалификации расследуемого события. Предмет доказывания на различных этапах расследования представляет собой промежуточную цель деятельности следователя, становясь окончательной лишь при завершении производства по делу.

Таким образом, в диссертации доказывається, что взаимосвязь предмета и пределов доказывания эквивалентна соотношению цели и средств, что делает неизбежным зависимость пределов доказывания от изменений предмета на той или иной стадии процесса в пределах одной стадии и на разных ее этапах в данной процессуальной ситуации.

Другим источником изменчивости, по мнению автора, является связь и зависимость пределов доказывания от характера процессуальных решений и правовых последствий, вытекающих из таких решений, на разных стадиях уголовного процесса и на разных этапах в пределах одной стадии. В диссертационном исследовании анализируется уголовно-процессуальное законодательство, предъявляющее разные требования к доказанности определенных фактических обстоятельств в зависимости от того, какие правовые последствия влекут они за собой.

На основе анализа высказанных в литературе положений о необходимой обеспеченности доказательствами решений о возбуждении уголовного дела, производстве следственных действий, задержании, избрании мер пресечения, привлечении в качестве обвиняемого автор приходит к выводу о настоятельной необходимости теоретического определения

критериев достижения пределов доказывания на всем протяжении предварительного следствия.

В пятой главе — «Критерии достижения пределов доказывания и установления истины на предварительном следствии» — подробно анализируются как общие, так и операциональные критерии достижения пределов доказывания.

Учитывая значимость пределов доказывания для решения вопросов о достижении целей уголовного судопроизводства и задач расследования, автор на первый план как для практической деятельности, так и ее научного обеспечения выдвигает проблему критериев пределов доказывания, т. е. то, на что надлежит ориентироваться следователю, производя расследование, осуществляя поиски и собирание доказательств, по каким признакам он и другие субъекты доказывания могут судить о том, что в результате расследования достигнуты пределы доказывания по делу.

Диссертант в самом общем виде определяет критерий как средство для суждения, признак, на основе которого производится оценка или классификация чего-либо, мерило оценки, способ измерения, принцип исчисления, количественная или качественная мера, и т. п. Он показывает, что упорядочение критериев достижения пределов доказывания может быть, в частности, достигнуто путем их классификации и тем самым приведения в систему требований, предъявляемых как к процессу доказывания, так и к его результату.

Упорядочение критериев производится путем выделения и определения их иерархии как общих, «сквозных» для всего процесса доказывания, так и операциональных, применительно к завершающему этапу расследования. К числу общих критериев на различных этапах доказывания при принятии тех или иных промежуточных процессуальных решений относятся доказательства и их совокупность, которые должны удовлетворять требованиям относимости, полноты и достаточности.

Автор считает, что требование всесторонности и объективности в ходе расследования является общим, направляющим процесс доказывания, но оно на том или ином этапе не может быть обеспечено полностью, ибо к этому следствию приходит лишь по окончании работы по делу.

Наряду с общими критериями в диссертации выделяется ряд рабочих критериев, посредством которых реализуются общие требования. Таковыми автор считает: устойчи-

вость, непоколебимость, взаимодополняемость, беспробельность, взаимокомпенсацию, непротиворечивость, совместимость, сочетаемость, взаимосоответствие, взаимопроверяемость, однозначность. Эти «операциональные» критерии в процессе расследования также являются ориентирующими и не служат окончательным мерилом для незавершенного процесса доказывания. К моменту окончания расследования пределы достигнуты в том случае, если собранные доказательства в их системной целостности отвечают как общим, так и «операциональным» критериям в полной мере.

Автор предлагает для определения пределов доказывания в процессе расследования и оценки достигнутых пределов по окончании расследования относимость в самом общем виде определять как наличие отношения к делу, либо подлежащих отысканию доказательств.

Допустимость доказательств, понимаемая в широком смысле, представляется автором допустимостью способов доказывания, каковыми являются следственные и судебные действия. Значимость качества системы доказательств от путей и средств, которыми эти доказательства получены, общепризнана.

Автор отмечает, что законом и процессуальной теорией сформулирован ряд общих требований, которые предъявляются к способам получения доказательств и от которых зависит достижимость пределов доказывания и реализация критерия допустимости доказательств. В самом общем виде, как указывает диссертант, они заключаются в следующем:

а) наличие цели, а также фактических и правовых оснований для производства следственных действий;

б) проведение надлежащего следственного действия;

в) надлежащее место, время и последовательность производства следственных действий;

г) проведение следственного действия компетентными лицами и надлежащими участниками.

На основе этого в диссертации указывается, что критерий достаточности означает удовлетворенность потребностям, которые возникают на той или иной стадии уголовного процесса. Оценка достаточности имеет отчетливо выраженный субъективный характер, и поэтому ее обоснованно связывают с внутренним убеждением. Диссертант разделяет утвердившуюся в уголовно-процессуальной теории точку зрения о том, что доказательства должны оцениваться следователем

в их совокупности, и это является одним из важнейших признаков достаточности.

Диссертант придерживается того взгляда, что требование всесторонности, полноты и объективности представляет собой один из важнейших принципов советского уголовного процесса и именно в качестве такового исполняет роль критерия пределов доказывания. В подтверждение сказанному отмечается, что эти требования:

— закреплены в законе как общесоюзном (ст. 20 Основ уголовного судопроизводства), так и республиканском (ст. 20 УПК РСФСР, ст. 18 УПК ГССР);

— представляют собой организационную структуру нашего судопроизводства, состоящего из ряда последовательно сменяющих друг друга стадий, что способствует недопущению ошибок при разрешении уголовных дел;

— оказывают непосредственное и активное влияние как на организацию расследования, так и на характер правоотношений, возникающих между представителями органов расследования преступлений;

— в значительной мере определяют сущность деятельности прокурора, следователя и лица, производящего дознание, поскольку предписывают им проявлять инициативу в сборе, закреплении и проверке доказательств, имеющих значение для дела, выявлять все обстоятельства как уличающие лицо, совершившее преступление, так и оправдывающие обвиняемого.

Требование всесторонности в диссертации трактуется как необходимость проверки всех версий, а также изучения определенного события во всех связях и опосредованиях, со всех сторон, имеющая в виду и условия, в которых это событие произошло, и причины возникновения этого события, и внешние практические действия, совершенные участвующими в нем лицами, и последствия этих действий, внутреннюю психологическую сторону этих действий, и все иные моменты исследуемого события, разумеется, в границах, обеспечивающих правильное и справедливое разрешение дела.

Требование всесторонности в уголовном процессе рассматривается в качестве одного из проявлений общего требования марксистской философии, сформулированного В. И. Лениным: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредования»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

Применительно к полноте исследования в диссертации речь идет не только об установлении всех обстоятельств предмета доказывания, но и полноте полученных доказательств, посредством которых устанавливаются элементы предмета доказывания. Тем самым, считает автор, вовсе нет необходимости собирать все относящиеся к делу доказательства. Такая деятельность прекращается после того, как установлен предмет доказывания в необходимых по данному делу пределах.

Понятие объективности трактуется в диссертации в качестве требований непредвзятости и обязанности устанавливать как обвинительные (уличающие), так и оправдательные (опровергающие обвинения) доказательства, как отягчающие, так и смягчающие ответственность виновного обстоятельства.

Автор отмечает, что в уголовно-процессуальной теории общепринято положение, согласно которому достижение истины по делу обеспечивается связью всесторонности, полноты и объективности в единое требование. Всесторонность, полнота и объективность — это различные стороны единого целого, взаимодополняющие друг друга, по-разному раскрывающие сущность одного и того же исследуемого события.

Согласно этому, в иерархии критериев достижения пределов доказывания более высокие места занимают общие, «сквозные», которые применимы для всего процесса доказывания — относимость, допустимость, достоверность, а также всесторонность, полнота, объективность.

Автор указывает, что «операциональные» критерии образуют более низкий уровень системы критериев. Они служат подспорьем, разъяснением, расшифровкой при решении вопроса о соблюдении (или несоблюдении) перечисленных выше общих требований к собранным по делу доказательствам.

Если анализ критериев высшего уровня, по выводам автора, как правило, не выходил за рамки уголовно-процессуального аспекта, то исследование «операциональных» критериев не только допускает, но и предполагает еще и криминалистический подход, т. е. именно в рамках этой науки используются констатации уголовного процесса для разработки рекомендаций по планированию и проведению следственных действий, с помощью которых достигаются пределы доказывания при расследовании уголовных дел.

«Операциональные» критерии в диссертации раскрываются следующим образом:

Устойчивость, непоколебимость — качество отдельного доказательства, а также системы доказательств, означающее неопровержимость, невосприимчивость к возмущаемым воздействиям, способность противостоять контраргументам, сохраняющее при этом свой изначальный смысл.

Взаимодополняемость — свойство двух или большего числа доказательств, проявляющихся в таком взаимодействии, взаимосвязи, при которых ограниченность, пробельность одного доказательства дополняется другим (другими) доказательствами.

Беспробельность — качество доказательства, группы доказательств или всей системы доказательств полно, без существенных неясностей, освещающее какое-либо обстоятельство, входящее в предмет доказывания, или все расследуемое событие в целом.

Взаимокомпенсация — качество доказательства (или доказательств), означающее возмещение утерянной в ходе следствия или отсутствующей доказательственной информации путем собирания иных доказательств.

Непротиворечивость — свойство доказательства (доказательств), означающее внутреннюю согласованность, совместимость отдельных его (их) составляющих.

Совместимость — свойство двух или большего числа доказательств совместно подтверждать доказательственный тезис.

Взаимоответствие — свойство двух или большего числа доказательств быть по отношению к доказываемому обстоятельству в одной плоскости, освещать это обстоятельство в одном плане, в одном аспекте.

Однозначность — качество доказательства или группы доказательств, не позволяющее его (или группу) интерпретировать в двух или более смыслах.

В диссертации дается разъяснение и приводятся примеры для каждого из приведенных критериев, объясняются различия между сходными из них.

Таким образом, значение как основных, так и «операциональных» критериев заключается в использовании их в качестве мерил при оценке доказательств.

В диссертации раскрывается, что достижение пределов доказывания означает завершенность работы по доказыва-

нию, которая позволяет констатировать доказанность данного обстоятельства, данного эпизода, данного преступного деяния в целом. Иными словами, достижение пределов доказывания свидетельствует о получении достоверного, истинного знания.

Достоверность, по мнению автора, указывает на то, что выводы следователя, основанные на собранных доказательствах, не вызывают сомнений, что далее собирать доказательства нецелесообразно, т. к. вновь полученные доказательства не могут повлиять на содержание истины.

В заключении излагаются основные выводы, итоги проведенного исследования и формируется определение пределов доказывания.

Кроме того, в заключении содержится ряд предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

1. Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. — Сабчота Самартали (Советское право), 1968, № 1, с. 26—29. — На груз. яз.

2. Проведение эксперимента судом. — Социалистическая законность, 1968, № 4, с. 53—54.

3. Некоторые вопросы завершающей стадии предварительного следствия. — Сабчота Самартали, 1971, № 5, с. 40—48. — На груз. яз.

4. Совершенствовать законодательство об освобождении лиц от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия. — Сабчота Самартали, 1972, № 2, с. 38—49. — На груз. яз.

5. В соавторстве с кандидатом юридических наук Читловым Д. С. О состоянии и мерах улучшения работы органов прокуратуры по раскрытию и расследованию тяжких преступлений (информационное письмо № 2. — г. Тбилиси, 1972, 4,75 уч.-изд. л.).

6. Основные вопросы окончания следствия. — Тбилиси; Сабчота Сакартвело, 1972, 10,29 уч.-изд. л. — На груз. яз.

7. О некоторых вопросах квалификации должностных преступлений. — Сабчота Самартали, 1979, № 6, с. 40—50. — На груз. яз.

8. К вопросу об участии защитника в предварительном

следствии. — Сабчота Самартали, 1980, № 6, с. 47—54. — На груз. яз.

9. Большой форум следователей. — Сабчота Самартали, 1983, № 3, с. 21—25. — На груз. яз.

10. Организация работы по делам об умышленных убийствах. — Следственная практика, 1973, № 100, с. 159—165.

11. Участие прокурора в суде при исследовании доказательств. — В сб.: Эффективность государственного обвинения. — г. Тбилиси, 1982, с. 76—83.

12. Наш опыт. — Социалистическая законность, 1983, № 4, с. 26—27.

13. Возможности упрощенного порядка рассмотрения дел об очевидных преступлениях. — В сб.: Всесоюзная конференция лучших следователей органов прокуратуры. — Москва: Военное издательство, 1984, с. 140—144.

14. Убийство было раскрыто спустя 20 лет. — Сабчота Самартали, 1984, № 6, с. 58—64. — На груз. яз.

15. В соавторстве с проф. А. Палиашвили. Протокольная форма подготовки материалов. — Сабчота Самартали, 1985, № 2, с. 28—35. — На груз. яз.

16. К вопросу пределов доказывания. — Сабчота Самартали, 1986, № 2, с. 43—46. — На груз. яз.

17. Пределы доказывания на предварительном следствии. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1986, 9,84 уч.-изд. л.

18. Оправдательный приговор. — Социалистическая законность, 1987, № 6, с. 52—53.

19. С авторским коллективом. Советский уголовный процесс. Учебник. — Тбилиси: изд-во ТГУ, 1988, 38 уч.-изд. л. — На груз. яз.

20. Законодательная регламентация пределов доказывания. — Сабчота Самартали, 1988, № 3, с. 44—51. — На груз. яз.

Зак. № 2231

тир. 400.

Государственный комитет Грузинской ССР по
делам издательств, полиграфии и книжной
торговли
Тбилисская типография № 17, ул. Сурамская, 13.